

К ПРОБЛЕМЕ Я

(Языковые игры: не с нулевой ли суммой?)

В.П. Зинченко

И, несозданный мир лепя,

Я забыл ненужное “Я”.

О. Мандельштам

Я один, все тонет в фарисействе,

Жизнь прожить – не поле перейти.

Б. Пастернак

Человек, личность, персона, субъект, индивид, Я – это вдвое больше трех сосен, в которых блуждает психология. Этот «шестигранник» открывает еще больший простор для языковых игр, чем «треугольник»: субъект, индивид, личность. Упрощу ситуацию. Сначала остановлюсь на личности, которую по дороге быстро потеряю, а потом сосредоточусь на Я.

Акции личности в истории падают, задумавшись в 1922 г. о «Конце романа», сказал О. Мандельштам. Через десять лет поэт в ответ на наступление *глухоты научьей*, стоя над провалом, который *сильнее наших сил*, написал:

Если все живое лишь помарка

За короткий выморочный день,

На подвижной лестнице Ламарка

Я займу последнюю ступень.

В те же годы Б. Пастернак, наблюдая за реальной жизнью, сказал об этом же более прямо и не менее решительно:

О личностях не может быть и речи.

На них поставим тут же крест.

Спустя еще несколько десятилетий, прозвучали знаменитые строки В. Высоцкого:

*Настоящих буйных мало
Вот и нету вожаков.*

Задолго до поэтов П.А. Флоренский писал о невозможности дать определение личности. Он ограничился указанием на то, что личность – это предел самопостроения, самосозидания. Вторя Флоренскому, А.Ф. Лосев называл личность мифом, чудом, тайной. Психологи, не вняв разумным предупреждениям поэтов и философов, решили взять личность приступом. Сначала они воспользовались марксовым определением человека как ансамбля всех общественных отношений, подставив в него вместо человека личность. При этом они не заметили (кроме Л.С. Рубинштейна), что согласно Марксу, сами общественные отношения строятся из отношений индивидуальных. Растворения личности в общественных отношениях оказалось мало. Ее опустили ниже индивида, поставив его над личностью, и, наконец, уравнивали с субъектом («субъектность личности», «личностный субъект» и т.п.), т.е. с *под-лежащим*, с функциями субъекта. Справедливости ради следует сказать, что М.М. Бахтин, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев подчеркивали решающую роль поступка на пути становления личности.

Не прошла бесследно демагогия относительно формирования личности в коллективе: личность – продукт (субпродукт) коллектива. Сегодня личность тонет не только в фарисействе, но и в потреблении, или мечтах о нем. О том, что личность – основание коллектива мало кто вспоминает.

Похожую, хотя не столь печальную судьбу претерпевает Я. Когда-то гипертрофированные: «Государство – это Я», «Сверх-Я», «Тронное Я» (М. Цветаева), «Я – создатель миров моих» (О. Мандельштам) идентифицируются то с субъектом или с объектом, то размножается вегетативным способом, то, подобно личности, растворяются в разного рода отношениях: «Я - мир», «Я - ты», «Я - другой», «Я - мы», «Я - они», «Совокупное Я», «Коллективное Я», «Я – второе Я» и т.п. Благодаря М. Буберу, Г.Г. Шпету, М.М. Бахтину, Д.Б. Эльконину, Ф.Д. Горбову, отношения Я, в отличие от просто «общественных отношений», все же конкретизированы и

персонифицированы, а главное – дефис (или тире) означает живое продуктивное (иногда гибельное) пространство *Между*, в котором рождается Я и несет на себе груз далеко не второстепенных функций. Ему свойственны созидательные (авторские) порождающие способности и функции. Я, порой, даже мыслит, а не просто «паразитирует на теле бессубъектного мышления» (Г.П. Щедровицкий). Такие способности и функции скрываются за метафорами, действительно, многоликого Я: «Роистое Я», «Многаяйность», «Единомножие Я» и др. «Метафоризм, по словам Б. Пастернака, - стенография большой личности, скоропись ее духа», но метафора не заменяет и не отменяет задачи ее расшифровки, выявления и анализа структуры скрывающегося за ней феномена. В деле расшифровки или построения структуры Я психологи и отчасти психотерапевты оказались бессильны. Они перекалывают проблему Я на плечи своих подопечных – пациентов и испытуемых, предлагая им на ходу придумывать свои «Я - концепции». Психоаналитики, значительно лучше, чем психологи, осознают неправдоподобную сложность структуры Эго. Главная трудность анализа Эго состоит в том, что оно, как, впрочем, и многое в психике, существует не только в своей наблюдаемой внешней форме, но и во внутренней виртуальной, однако не менее действенной форме.

Обратимся к опыту и размышлениям психоаналитиков. Вначале они рассматривали Я как психическую *инстанцию*, затем как главную *инстанцию* или подструктуру личности. При этом более широкую структуру, если таковая существует, они оставили вне поля своего внимания и анализа, видимо, считая личность само собой разумеющимся феноменом обыденной жизни¹. Забегая вперед, скажу, что, равным образом, психоаналитики пренебрегли (или вытеснили?) понятие индивидуальности. Для психопатологии обыденной жизни понятие Я оказалось главным и самодостаточным. З. Фрейд уподоблял Я *настоящему органу* (хотелось бы добавить – функциональному). Этот орган, несмотря на все неудачи, в принципе способен, как репрезентант реальности, постепенно овладевать влечениями. Более того, Фрейд сравнивал Я с организмом, «простейшим живым существом», считал, что

¹ З. Фрейд даже великих личностей опускал до уровня своих пациентов-невротиков.

модификация Я подобна поражению тканей организма. Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис, вслед за З. Фрейдом, видели в Я нечто вроде воплощенной метафоры организма в целом [2010. С. 656]. Вначале, в 1922 г. Фрейд вполне натуралистически характеризовал «организм» Я: «Я – это в первую очередь нечто телесное: оно выступает не только как поверхностное образование, но и как проекция некой поверхности». Затем он к этому утверждению сделал примечание: «В конечном счете, Я возникает из телесных ощущений, преимущественно тех, что рождаются на поверхности тела. Следовательно, Я может рассматриваться одновременно и как психическая поверхность психического аппарата» [Там же, с.664]. Здесь Я отчетливо выступает как внешняя форма либо тела, либо психического аппарата. О ее заполнении поговорим позже. А сейчас заметим, что уподобление психики, органам, организму и его тканям - не новость. А.А. Ухтомский характеризовал функциональные органы как всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение, подчеркивал значение «оздоровляющей регенерирующей ткани сознания», говорил и о духовном организме. Последний строится из функциональных органов, обладающих биодинамической, чувственной, эмоциональной и социальной тканью. Н.А. Бернштейн говорил о движении как о живом существе, которое реактивно, чувствительно, эволюционирует и инволюционирует. Этими же свойствами характеризуется и Я. Не только движение, но также и образ, и психологическое воспоминание, и внимание, и функциональные состояния, и даже личность рассматривалась Ухтомским как функциональные органы, т.е. как сочетание сил. Не черпаются ли силы из запаса, первичного резервуара энергии, носителем которой, согласно З. Фрейду, является Оно? В логике Фрейда такое предположение вполне резонно, хотя и не бесспорно. Оно – это бессубъектный хаос, имеющий свои истоки (и энергию) в биологических потребностях. Оно постепенно расчленяется и на его основе образуются Я и даже Сверх-Я. Имеются и другие взгляды на источники энергии: эйдетическая энергия, энергия познания и заблуждения, энергия души и духа и т.п. Фрейд не ограничился энергийной характеристикой Оно. Ведь энергия энергии разнь. И Фрейд по примеру собственной топологической (уровневой) системы сознания (сознание, предсознательное, бессознательное) строит топологию системы

Я: Сверх-Я, Я, Оно, наделяя каждый из уровней своими, правда, аморфными функциями и своей энергией. Оказывается, что система Я, как и другие психические системы, например, перцепции, внимания, памяти, мышления, обладает большим числом избыточных степеней свободы. И для того, чтобы Я в нужный момент стало дееспособным, необходимо преодоление этого избытка, прежде всего хаоса Оно, и сохранение лишь тех, которые обеспечивают осуществление требуемого акта. Например, для осуществления разумного действия необходимо преодоление влечений и страстей Оно, преодоление, сопротивления, торможения, цензуры Сверх-Я. Тогда отпущенное на волю Я перестает (временно) быть держателем, собственником той или иной виртуальной совокупности действий, само становясь действием, актом: я весь – внимание, наблюдение; я весь – напряжение, воля. Или я весь – чувство, страсть:

<...> ибо я сам

Любовь. Ибо я сам – поверхность!

И. Бродский

Я ведь может поместиться в больном зубе, как в тесном ботинке. Тогда, по словам А. Белого, *психология оплотневает в физиологию*. Незадолго до кончины страдающий от болезни Фрейд писал Мари Бонапарт: «Мой мир опять превратился в маленький островок боли, блуждающий в океане безразличия».

Нарисованная картинка – это, конечно, сильное упрощение. На деле же преодоление невероятно избыточных отношений Я к действительности (реальной, воображаемой, вымышленной) и трансформация их в действительные отношения (отношения в действительности) нередко представляют собой драму, а то и трагедию. Психологи приводят примеры, когда Эго невротика остается беззащитным, с одной стороны, перед давлением со стороны беспощадного Ид, а, с другой - под давлением со стороны не менее беспощадного Супер-Эго [Стрэчи Дж. 2000. С. 88-89]. Автор пишет, что и то и другое давление образуют порочный круг и мешают

полноценным контактам Эго с реальностью. По поводу Фрейдовской триады невольно вспоминаются лебедь, рак и щука И.А. Крылова.

У самого Фрейда как и у его последователей, помимо трехуровневой системы Я, встречается большое число его разновидностей, которые далеко не все распределены по уровням системы: «Я - идеальное», «Идеал – Я», «Я - либидо», «Я - наблюдатель», «Я наблюдаемое», «Я - удовольствие», «Я - реальность», «Я - влечение», «Я - любовь», «Я - интерес», «Я - посредник», «Я – объект», «Я – нарцисс» и т.п. Это результат расчленения Я и группа представлений о нем и о свойственных ему разнородных влечениях, переживаниях, что не удивительно, так как З. Фрейд подчеркивал гетерономность Я, зависимость его от других психических инстанций и от внешнего мира. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом, о котором частично упоминалось выше. Мы наивно думаем, что Я является хозяином нашей духовнотелесной организации. Но всемогущество нашего Я оказывается в далеком прошлом, в младенчестве, да и то оно относится, скорее, не к Я, а к прото-Я. Я имею ввиду описанную Д. Винникотом омнипотентность младенца, порождающего ощущения Эдема (или Аида). Да и это всесилие – его иллюзия, впрочем, весьма полезная для дальнейшего развития. А на деле взрослое Я, по Фрейду, «слуга трех господ», подвергающийся опасностям с трех сторон – внешнего мира, либидинальных побуждений Оно и сурового Сверх-Я. Конечно, иногда ему удается преодолевать грозящие с разных сторон опасности и становиться хозяином положения.

Остается неясным взаимодействие двух топологических структур – сознания и Я. С одной стороны, Фрейд характеризовал сознание не как независимую систему, а как «ядро Я». К Я переходят и функции предсознания. Однако, с другой стороны, Фрейд настаивал на том, что Я – это преимущественно бессознательная инстанция – и для его осознания требуется специальная работа. Думаю, что это противоречие относится к продуктивным. Для его преодоления требуется расширенное понятие рефлексии как важнейшего свойства сознания. Проведенные в последние годы исследования показали, что в предметном действии, равно как и в других актах, в которых «растворяется» Я, присутствует неосознаваемая фоновая рефлексия (Н.Д.

Гордеева, В.П. Зинченко [2001]). В.А. Лефевр писал о быстрой и тоже неосознаваемой рефлексии в умственных действиях [1990]. А.М. Пятигорский ввел понятие «рефлексии без Я» [2002]. Хотя Пятигорский понятие «рефлексия» (прочтем его как «рефлекс – и – Я»), лишил его Я, назвав «рефлексом Z», это не рефлекс в павловском смысле слова. Можно предположить, что Я не растворяется в перечисленных выше актах (Я весь...), а становится их внутренней формой, оставаясь при этом носителем сознания, сохраняет его в качестве своего ядра. Однако, это такое ядро, которое не проще атомного, оно ведь может взрываться поступком. Над его структурой многие годы работают психологи и психоаналитики. Какова бы ни была структура сознания, важно подчеркнуть, что оно может рассматриваться как внутренняя форма Я. Если это предположение справедливо, то мощное воздействие на поведение, деятельность оказывает не бессознательное Я, а Я, обладающее сознанием, хотя при этом Я может и не осознавать счастья (или несчастья) такого обладания. Неосознаваемость сознания не лишает его действенности. Сказанное не должно удивлять. Мы ведь далеко не всегда осознаем, что внутренней формой слова являются образ и действие; внутренней формой действия являются образ и слово; наконец, внутренней формой образа являются действие и слово. Речь идет о расширении наших представлений о внутренних формах. Трудно сказать, существуют ли они рядоположно, или они вписаны одна в другую и имеют «матрешечное» строение. В логике Фрейда Я вписано в восприятие, внимание - в действие, а сознание (Ядро!) вписано в Я. Об этом же говорят широко используемые Фрейдом термины: «интериоризация», «интроекция», «интеллектуализация», как будто взятые им из тезауруса культурно-исторической психологии. Фрейд говорил и об исторической обусловленности психических актов. Психоанализ не только поддается культурно-исторической интерпретации, но и многие его идеи опередили культурно-историческую психологию и обогащают.

Вернемся к бессознательному обладанию сознанием. Именно такое сознание «разяжается» (или «разражается») поступком. М.К. Мамардашвили несомненно был прав, говоря, что проблема бессознательного есть прежде всего проблема сознания.

Сегодня уже не нужно доказывать, что бессознательное есть лишь у существ, обладающих сознанием.

Рассмотрим еще один весьма существенный вопрос о происхождении Я, который не был обойден психоаналитиками. Вначале Фрейд шел к Я как бы «снизу». Оно старше Я. Я развилось из него наподобие коркового слоя под влиянием внешнего мира. Позднее, внутри Я отграничивается особая область, область Сверх-Я. Затем Фрейд признал, что Я – это не результат постепенной дифференциации психики. Для возникновения Я требуется новое психическое действие. Я – это и не порождение Оно, не просто результат его расщепления с последующей автономизацией. Цитированные выше Лапланш и Понталис пишут: «Я – это не столько аппарат, сложившийся на основе системы Восприятие – Сознание, сколько внутреннее образование, порожденное рядом особенно значимых восприятий – только не внешнего мира в целом, но мира межсубъектных отношений» [2010. С. 664]. Становление Я не происходит автоматически. Психоаналитики описывают особые психические операции, посредством которых черты, образы, формы заимствуются у другого человека. Это (Само) идентификация, интроекция, нарциссизм, «хороший» объект – «плохой» и т.д.. Наиболее подробно изучена специфика идентификации, порождающая в Я глубокие изменения, превращая его во внутрисубъектный остаток межсубъектных отношений [Там же. С. 659]. Между прочим, это такой «остаток», который может заполнить все «пространство» (воспользуюсь фрейдовской топологией) Я. Подлинное Я – это, скорее, избыток межсубъектных отношений: собственный вклад Я в становление собственного Я (простите за полезную для понимания тавтологию). Н.А. Бердяев, сказавший, что в его Я больше от других, чем от него самого, видимо, себя недооценивал. Мне важно подчеркнуть, что психоаналитики преодолевают фрейдовский натурализм и вносят вклад в понимание упоминавшегося выше живого пространства *Между*, в котором происходят главнейшие события человеческой жизни.

Таким образом, психоаналитики нащупывают свои пути «сверху», которые уже продумывались и прочерчивались философами и психологами. Напомню, что писал

М. Бубер: в плоскости Я – Ты образуется «тонкое пространство личного Я, которое требует наполнения другим Я». Эта же мысль звучит в давней работе Г.Г. Шпета: «Само я, как единство множества других «единств сознания», есть коллектив и собрание» [2006 с.306]. В логике Д.Б. Эльконина Я – Ты первоначально выступает как совокупное Я, являющееся агентом, актором «совокупного действия», «слиянного общения» (термины Шпета). В этой логике Я автономизируется не от Оно, а от Я – Ты. Если принять эту логику, то неминуемо возникает вопрос, а нужно ли в структуре Я Оно? Общеизвестно высказывание Фрейда: «Где было Оно, там должно стать Я». Ведь мы ведем внутренний разговор, иногда ссору не с Оно, а со своим вторым Я и далеко не всегда знаем, какое из Я – первое или второе выйдет победителем. В таком разговоре, споре не поможет и Сверх-Я. Если оно будет присутствовать, то и разговор окажется праздным, Я подчинится авторитету Сверх-Я. Разве что в качестве Сверх-Я выступит авторитетный Другой, хотя и он, конечно, не всемогущ. На мой взгляд, «схема или структура «Я – второе Я», подробно рассмотренная Ф.Д. Горбовым, самодостаточна. Она подлинно культурно-исторична, а не нутуралистична. Напомню «антинатуралистический протест» Б. Пастернака: «А что вы такое? <...> Чем вы себя помните, какую часть сознавали из своего состава? Свои почки, печень, сосуды? Сколько ни припомните, вы всегда заставляли себя в наружном, деятельном проявлении, в делах ваших рук, в семье, в других <...> Человек в других людях есть душа человека <...> В других вы были, в других и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это будете вы, вошедшая в состав будущего» [Доктор Живаго. 2008 с. 75]. Если слово «вы» заменить на слово «Я», то это и будет культурно-историческая психология Я.

Выше, скорее, в подтексте, чем в тексте, сквозила интенция сопоставления психологических подходов к личности и психоаналитических подходов к Я. Сделаю по этому поводу два общих (пока без аргументации) замечания. 1. В психологии мы имеем дело с личностью (с личностью ли?) без Я. В психоанализе мы имеем дело с Я, но без личности. 2. И психологи, и психоаналитики склонны редуцировать Я к индивиду, к субъекту, к репрезентанту, к организму. Фрейду это простительно, он

занимался психопатологией обыденной жизни и не претендовал на создание языка психологии, ограничившись «Наброском научной психологии» (1895). Он мог себе позволить рассматривать эдипов комплекс как основу структурирования личности. (Наши идеологи предпочитают видеть такую основу в патриотизме). Психологов же как будто волнует зона (перспектива) ближайшего и более отдаленного развития человека (или они только делают вид, что волнует?), и они должны были бы вырываться за пределы обыденности и не забывать о пути «сверху» или «наверх».

Приведу мудрое утверждение О. Мандельштама:

Нам союзно лишь то, что избыточно.

Впереди не провал, а промер...

Этому утверждению соответствуют представления о душе как о таинственном избытке познания, чувств, воли; представления о Я как об избытке межчеловеческих отношений; представления о личности как об избытке тех же отношений и собственной индивидуальности.

Во всех трех примерах речь идет о преодолении *натуральных*, избыточных, несотворенных нами самими степеней свободы и о построении (сотворении) собственного, своего *культурного* избытка степеней свободы: *пространства внутреннего избытка* (О. Мандельштам). Это снова топология или хронотопия в сознательной и бессознательной жизни в духе З. Фрейда, А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, К. Левина, М.К. Мамардашвили.

В заключении скажу, что потерять личность мне не удалось. Видимо, помешала тоска по личности, акции которой упали не только в истории, но и в науках о человеке. Фрейд опустил личность до обыденности, нередко редуцируя ее до не слишком определенного Я со всеми его подразделениями, расчленениями и уровнями. В свою очередь, психологи, вкупе с социологами и философами, опустили ее до субъекта – функции или коллекции функций. Но кроме науки существует еще и практика, которая либо идет по следам науки, либо пролагает ей путь. Фрейда принято хвалить за то, что теоретически сконструированные им неврозы, комплексы и т.п., проникли в жизнь

и поразили не только индивида, но и социальную ткань, наложили свою печать на культуру XX века. В этом же веке случилось событие не меньшего, если не большего масштаба. Сбылась социальная мифология, точнее, бредовые идеи, принадлежавшие то ли Н. Чернышевскому, то ли Л. Троцкому, то ли М. Горькому о формировании «нового человека». И такой человек стал реальностью. А. Платонов характеризовал его как человека без души и имущества, в предбаннике истории, готового на все, только не на прошлое. Здесь практика закрыла (закрывает ?!) пути науки, но открыла пути диссертантам, сочиняющим и защищающим несметное число диссертаций, посвященных фантомной проблематике формирования личности.

Что же мы получаем в итоге языковых игр? Результат оказывается в пользу психоанализа. Практика заглядывания внутрь самого себя, которой (вслед за поэзией) учит психоанализ, существенно лучше, чем практика формирования, тестирования, манипулирования личностью. Первый случай мы можем назвать избыточным, а второй – убыточным. И все же закончу на оптимистической ноте. Вопреки психологии и психоанализу встречаются полноценные личности, обладающие не расчлененным, а цельным Я. И если земля еще вертится, то исключительно благодаря тому, что они есть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбов Ф.Д. Я – второе Я. Москва-Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000.
2. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. №6. С. 26-41.
3. Зинченко В.П. Блуждание в трех соснах, или Тоска по личности // Человек. 2011. №4. С. 5-20.
4. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2010.
5. Лефевр В.А. непостижимая эффективность математики в исследовании рефлексии // Вопросы философии. 1990. №7.

6. Пятигорский А.М. Мышление и наблюдение. Riga: Liepnieks & Ritups, 2002.
7. Стрэчи Дж. Характер психотерапевтической работы в психоанализе // Антология современно психоанализа. Т.1. М.: институт психологии РАН, 2000.
8. Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis*. Избр. психолого-педагогические труды. М.: РОССПЭН, 2006.